

© 1992 г. КАРАВАНОВ А.А.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГЛАГОЛА

Согласно традиции, сложившейся в отечественной аспектологии, категория предельности/непредельности (П/НП) трактуется как универсальная семантическая категория, отражающая онтологические характеристики глагольного действия и не располагающая системой стандартных грамматических средств для ее выражения. Тезис об универсальности данной категории означает, во-первых, что эта категория охватывает всю глагольную лексику русского языка [каждый русский глагол может быть охарактеризован либо как предельный, либо как непредельный (либо как предельный в одних значениях и непредельный — в других)], во-вторых, что категория П/НП существует, вероятно, во всех языках (что естественно, поскольку П/НП есть в первую очередь качество самих действий и состояний и лишь как отражение этого внелингвистического качества является принадлежностью глагольной семантики). Такого взгляда на категорию П/НП придерживаются Г.Н. Воронцова [1], И.П. Иванова [2], А.А. Холодович [3], Ю.С. Маслов [4], А.В. Бондарко [5], М.А. Шелякин [6] и другие ученые.

С другой стороны, в отечественной лингвистике высказывалась точка зрения, согласно которой категория П/НП может в отдельных языках обладать системой формализованных средств для выражения предельной семантики, хотя такая система является не до конца последовательной и устойчивой. Указанная концепция П/НП изложена в статье Ю.С. Маслова о готском глаголе, в которой автор отмечает, что "специфика предельности/непредельности в готском заключалась... в том, что здесь существовал абстрактный показатель предельности (приставка *ga-*), какого в современных германских языках мы не находим" [7, с. 224]. Эта же концепция П/НП представлена в докладе Ю.С. Маслова, посвященном роли перфективации и имперфективации в процессе возникновения слаянского глагольного вида: "так называемая перфективация, т.е., точнее говоря, соединение глагольных основ с приставками или с назальным суффиксом, создавало лишь *предпосылки* для будущего развития вида, именно, — ту категорию предельности, из позднейшего расщепления которой вышел несовершенный и затем совершенный вид" [8, с. 38].

Традицию Ю.С. Маслова развивает В.Б. Силина. В своей докторской диссертации она отводит большое место рассмотрению категории П/НП в др.-русс. языке. Автор диссертации отмечает, что "последовательное выражение и вместе с тем — категориальный статус П/НП получила на словообразовательном уровне в период развития приставочного глагольного словообразования" [9, с. 8]. В статье, посвященной проблеме семантического содержания др.-русс. категории П/НП и его отражения в формах аориста, В.Б. Силина показывает, что в др.-русс. языке предельность "...выступала как существенная часть семантики такой формы прошедшего времени, как аорист... Таким образом, можно заключить,

что в др.-русск. языке действовала тенденция к грамматикализации лексико-семантической категории предельности/непредельности". Однако, как отмечает далее автор статьи, уже в др.-русск. языке формы аориста бесприставочных глаголов "...уступали место приставочным образованиям, которые выражали семантику предельности на словообразовательном уровне" [10, с. 164—165].

На указанной статье В.Б. Силиной следует остановиться особо, поскольку в ней высказывается ряд новых положений, опровергающих традиционный взгляд на др.-русск. аорист как на средство передачи недифференцированного прошедшего, констатирующего только самый факт совершения действия и не выражающего никаких его специальных характеристик (в этой традиционной интерпретации др.-русск. аорист предстает как своего рода "простое прошедшее", типологически аналогичное, скажем, простому прошедшему современного английского языка). Развивая идеи некоторых лингвистов, также отвергающих традиционный взгляд на др.-русск. аорист как на безликое в аспектуальном отношении прошедшее (Е.Н. Этерлей [11], В.В. Боролич [12], Г. Кельн [13]), В.Б. Силина показывает, что др.-русск. аорист был семантически маркированным прошедшим временем, специализировавшимся на выражении предельных компонентов значения.

Обратясь к двум вышеупомянутым концепциям предельности, мы можем заметить, что между ними нет противоречия. Резюмировать содержание обеих концепций можно таким образом: категория П/НП представляет собой языковую универсалию; в то же время в отдельных языках она может получать возможность непосредственного формального выражения (например, посредством приставок, назального суффикса или флексий аориста в др.-русск.), хотя это выражение не является регулярным, в связи с чем категория П/НП "не дорастает" до ранга грамматической категории.

Данная статья посвящена рассмотрению словообразовательного и грамматического аспектов др.-русск. категории П/НП в той ее части, которая касается процесса приставочной перфективации. При исследовании этого процесса встают две основные проблемы.

1. Проблема семантики др.-русск. приставок, которая, в свою очередь, неразрывно связана с такой проблемой, как степень спаянности глагола с приставкой. Необходимо выяснить, в какой степени глагол, формируемый присоединением префикса, представляет собой по отношению к исходному глаголу новую лексему. Иными словами, не является ли он в некоторых случаях лишь вариантом, семантическим дублетом исходного глагола. Если это так, то приставку нельзя признать ни словообразовательным, ни морфологическим формантом: возможно, что в ряде случаев она выступает только как факультативное средство актуализации предельной семантики в предельном контексте; такая актуализация, в свою очередь, может объясняться действием закона семантического согласования.

2. Видовое значение приставочно маркированных предельных глаголов. Речь идет о том, всегда ли в др.-русск. языке в результате присоединения приставки к глаголу, не содержащему имперфективного суффикса, формируется глагол совершенного вида (СВ).

Рассмотрим подробно каждую из указанных проблем.

Проблема степени спаянности глагола с приставкой встает в связи с широким распространением в др.-русск. языке явления семантической дублетности приставочных глаголов. Эта дублетность носит двоякий характер:

- а) семантическими дублетами являются приставочные глаголы, произведенные от общего для них исходного глагола (например: *покрасти-украсти*);
- б) семантическими дублетами являются исходный и производный от него приставочный глагол (например: *красти-обокрасти*).

Тот факт, что многие др.-русск. приставочные глаголы являются семантическими дублетами, отмечался в науке неоднократно. Так, Е.А. Бахмутова говорит: "...по нашему мнению, какое бы то ни было лексическое различие отсут-

ствует между глаголами *сдеяться* — *подеяться*, *своровать* — *поворовать*, *похоронить* — *схоронить* — *охоронить*" [14, с. 15] И.А. Воробьева к числу семантических дублетов относит пары *въпросити* и *въспросити*, *въследовати* и *последовати*, *сътворити* и *вътворити*, *въжилити* и *ожилити* и мн.др. [15, с. 8—10]. Особенно "эффектными" выглядят случаи, когда приставочные семантические дублеты употреблены в одной фразе. Например: "[Г]огда же Метиславу Изяславичю помож(е) б(ог)ъ на половци — самѣх прогна, и вежи их *взя*, и скоты, и кони их *зая...*" [16, с. 125]¹; "И *взяша* рускии кн(я)зи полоку много, и стада их *заяша...*" [16, с. 161] и т.д.

Зачем носитель др.-русск. языка употребляет в одной фразе глаголы с разными приставками? Можно предположить, что он это делает, чтобы избежать тавтологии. Однако подобное употребление может встречаться и в достаточно удаленных друг от друга фразах (но в пределах одного листа рукописи): "И единою по обычаю наставшию вечеру, *поча* кланятис(я)..."; "И *введоша* въ хлѣнцо, и посадиша и, и *начаша* садитися около ег(о)..." [16, с. 79] и т.д.

Семантическая дублетность глаголов с разными приставками, особенно ярко проявляющаяся в случаях тесного соседства этих глаголов в контексте, составляла, как уже отмечалось, только одну из сторон проблемы степени спаянности др.-русск. глагола с приставкой. Другая, еще более характерная ее сторона, состояла в том, что семантическими дублетами в одном контексте могли также оказаться исходный глагол и производный от него приставочный: "И *пожгоша* домъ святыя владычицѣ богородици; и пришедше къ церкви и *жгоша* двери и влѣзше въ притворъ у гроба Феодосиева... Моск. лет., 17.к.XV в." [17]²; "И раздѣлишася надвос: половина ихъ *поиде* къ погребу, а другая ихъ *иде* по мосту. Ник. лет. IX. 95. 1068 г." [17]; "Сади на *послѣбъниимъ мѣстѣ*, да *егда* придетъ *зъавъи* ти, речеть ти: друже, *посади* выше... Лук. XIV. 10. Остр. ев." [18, III, стлб. 1283]; «И рече имъ Олегъ: "Не *дайте* козаромъ, но мнѣ *дайте*. И *вѣдаша* Ольгови по шьягу..." [19, с. 38, 40]; "...и *вѣдасть* печенѣжский князь Прѣгичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же *дасть* ему бронѣ, шить, мечъ" [19, с. 80]; "А си бызи чюдъ *сѣлаша*? Сами *дѣлаи* суть" [16, с. 96]; "...онъ же, не дошед их, *вратис(я)* за ся"; "...и ходиша до Олешья, и не обрѣтше, *възратишас(я)* за ся" [16, с. 125]; "Андрѣви же гнавшию ратные до полковъ их, и *вратис(я)* неврежень, сохраненъ б(о)г(о)мъ и м(о)л(и)твою родител(ь) своих. [С]треляющимъ(я) имъ до вечера, *возвратишас(я)* опять..." [16, с. 122]; "Изяслав же Д(а)в(ы)д(о)вич и Изяслав Андрѣвич, слышавше *възвратишас(я)* их, иде Изяслав въ Вятичи, а Ондрѣвич Изяславъ *вратис(я)* ко отцю своему к Ростову" [16, с. 130]; "...Волховъ... *втечет* въ озеро великое Невъ... въ По//итъ море, в неж(е) *течетъ* Днѣпръ река" [16, с. 12]; "...из него ж(е) озера *потечетъ* Волховъ..."; "Днѣпръ бо *течетъ* из Вол(о)ковьскаг(о) лѣса..." [16, с. 12]; "Аще бо бы перевозникъ Кыи, то не бы ходил ко Ц(а)рюграду, но сей княж(а)ше в роду своем, и прохोдившио ему ко ц(а)рю, не *свѣмы*, но токмо о семъ *вѣмы*, якож(е) сказуютъ, яко велику ч(е)сть приагъ ес(ть) от царя..." [16, с. 13]; "...Михалко с Москвы *поеха* с братом со Всеволод(о)мъ к Володимирю, а Ярополкъ инѣмъ путемъ *еха* на Мо//скву" [16, с. 141]; «"Кн(я)же моя, се б(о)гъ умножаетъ братью, а мѣтце мало; да бы ны *дал* гору ту, яже естъ под печерою". Изяслав же слышавъ радъ быс(ть), посла мужъ свои и *вда* имъ гору ту» [16, с. 68]; "И *взяша* град, а кн(я)зя Ярополка *яша*" [16, с. 147]; «Яне же повелѣ бити я и *поторгати* брадѣ ею. Сим же бѣемымъ и брадѣ *торганѣ* роскѣпомъ, // и реч(е) има Янь: "Что вамъ б(о)зи молвятъ?"»

¹ Здесь и далее курсив в примерах наш. — К.А.

² Все др.-русск. примеры, приводимые со ссылкой на данный указатель (см [17]), взяты нами из Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. Глубоко признателен Г.А. Богатовой и Л.Ю. Астахиной за любезно предоставленную возможность пользоваться материалами данной Картотеки.

[16, с. 75]; "Бѣси бо не *вѣдѣтъ* мысли ч(е)л(овѣ)ч(е)ския..."; "Б(о)гъ же единъ *сѣбѣ* помышления ч(е)л(овѣ)ч(е)ския..." [16, с. 75]; «Глѣбъ же, примь топоръ под skutомъ, и прииде к волхву, и реч(е) ему; "То *вѣси* ли, что хочеть утро быты или до вечера? Он же реч(е): "Провѣде вся» [16, с. 76] и т.д.

Употребление подобных семантических дублетов в одной или в соседних фразах нельзя объяснить только стремлением избежать тавтологии. Ср. следующие примеры употребления исходного и приставочного семантических дублетов в удаленных друг от друга фразах: "Володимир же *счочи* с коня и покры и корзномъ..."; "Михаль же, видѣвъ то, *счочи* с коня, хотя помочи Володимиру" [16, с. 115]; "Преставис(я) кн(я)зь Рязаньскіи Игорьъ, с(ы)нъ Глѣбовъ; *положень быс(ть)* у с(вя)тую м(у)ч(е)н(и)ку Бориса и Глѣба" [16, с. 158]; "Умре же м(ѣ)с(я)на феврал(я) 3 д(е)нь и тамо *ложень быс(ть)* въ ц(е)ркви св(я)тыя Б(о)города(и)ца" [16, с. 71]; "... и повелъ ша Ярополку ити противу с полком своим и усрѣтше *битж(я)* с ним..." [16, с. 141]; "...Михалку не доѣхавшу Володимира со брат(о)мъ Всеволод(о)мъ за 5 верстъ, *срѣте* и Мьстиславъ со своего друж(и)ною изнезапа..." [16, с. 141—142]; "Того же лѣта *народился* у Всеволода сынъ..."; "В то же лѣто *родися* Всеволода сынъ..." [16, с. 157]; "[И] *услышавъ* то великии кн(я)зь Всеволод... и печалень *быс(ть)* велми..." [16, с. 162]; "[С]лышав же Всеволод полонену жену и с детьми, и бояръ, и имѣние взято, печалень *быс(ть)* велми" [16, с. 155]; "...и поѣхаша по д(о)розе по них, и *усретоша* я с полономъ..."; "...и поѣхаша по д(о)розе их, и *сретоша* я..." [16, с. 135] и т.д.

Поскольку во всех приведенных примерах представлены случаи параллельного употребления приставочного и бесприставочного глаголов, полагаем, что они могут являться критерием для суждения о категории предельности, выражаемой приставками. Дело в том, что обращение к фактам употребления приставочного глагола без соотнесения их с фактами параллельного употребления исходного бесприставочного глагола не могло бы являться серьезным основанием для суждений о приставочно маркированной категории предельности, так как в каждом случае можно было бы заподозрить, что приставка уже достаточно тесно слита с основой и является ее составной частью. Возможность же параллельного употребления бесприставочного глагола является, напротив, гарантией того, что приставка еще не спаяна тесно с основой и представляет собой не словообразовательную морфему, а специфический предельный формант, являющийся чем-то средним между словообразовательной морфемой и морфологическим аффиксом, что как раз соответствует пограничному положению категории предельности между областью словообразования и областью морфологии (см. [7]).

Как показал анализ приведенных случаев параллельного употребления приставочного и бесприставочного глаголов, формы, в которых предельный глагол факультативно маркируется приставкой, можно разделить на две группы:

1) формы, выражающие категориальную предельную семантику [аорист, простое прошедшее СВ, причастие прошедшего времени СВ, значением которых может быть "результативность", "темпоральная ограничительность", "таксис" ("цель однократных претеритальных действий"); аспектуальные значения этих форм достаточно близки, вследствие чего, кстати, переписчики нередко заменяли их друг на друга]. Носителем семантики предельности у названных форм является в первую очередь граммема, а не лексема;

2) формы, которые сами по себе либо не выражают предельной семантики (настоящее время, инфинитив), либо выражают ее опосредованно [императив, у которого предельное значение ("перформативность" — см. ниже) является не категориальным компонентом семантики, а скорее имплицитным элементом значения, своего рода логическим следствием его категориальной семантики]. Носителем предельного значения у приставочно маркированных глаголов в формах настоящего времени и инфинитива является не граммема, а лексема

[так, в предложениях "...из него ж(е) озера *потечеть* Волховъ..." и "...Волховъ... *отецет* въ озеро великое Невъ..." представлено значение пространственной предельности; в предложениях "Б(ог)ъ же единъ *свѣсть* помышления ч(е)л(о-вѣ)ч(е)ския..." и "...проходившую ему ко ц(а)рю, не *свѣмы*...", а также во фразе с формой инфинитива "Яне же повелѣ бити я и *поторгати* брадѣю" выражено значение результивной предельности. Таким образом, во всех этих пяти примерах предельность есть компонент лексической семантики глагола].

В связи с приведенными здесь примерами употребления префиксального глагола без суффикса имперфективации в форме презента (*потечеть, отецет, свѣсть, свѣмы*) укажем, что подобное употребление невозможно для глаголов, у которых семантика исходной основы не может быть истолкована как предельная. Именно поэтому, как нам кажется, приставка никогда не присоединяется к основам стальных глаголов в форме настоящего времени. Так, анализ материалов Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. показал, что приставкам не свойственно сочетаться с формой настоящего времени таких типично стальных глаголов, как *лежати, сидети, стояти*.

Правда, нам встретился единственный пример, в котором, как может показаться, приставка соединяется с глаголом *стояти* в форме настоящего времени: "Не во далечемъ — далечѣ во чистомъ полѣ, / Что еще того подале во раздолѣ, / Стоять-то, постоитъ бѣлая березонька, / Бѣлая, сама кудреватая. ВНП, т. 5, с. 42" [17].

Однако этот пример не показателен, поскольку фактически здесь представлена не форма *постоит*, а единая форма *стоит-постоит*, явно образованная по аналогии с такими формами, как *ждет-пождет*, для которых возможность соединения приставки с формой настоящего времени была обусловлена результивной семантикой основы. Вероятно, формы типа *жду-пожду, слышу-послышу, глядь-поглядь, тянут-потянут* и под., пережиточно сохраняющиеся в современном русском языке, это — все, что осталось от того первообраза категории предельности (в плане ее приставочного выражения), который она имела в древнерусском: когда-то, когда употребление префикса было еще факультативным, эта факультативность была использована для создания экспрессивной формы настоящего времени, выразительность которой достигалась благодаря эффекту контраста при одновременном употреблении приставочной и бесприставочной форм.

Формы типа *жду-пожду*, представляющие собой гиперболизированный факт соседства приставочного и бесприставочного глаголов [не только в рамках одного предложения, как в приводившихся ранее примерах, но и фактически в рамках одной (!) формы] ярко характеризуют именно то состояние др.-русс. категории предельности, которое современным русским языком уже утрачено.

Важно отметить, что случаи употребления неимперфективированных приставочных глаголов в форме настоящего времени (см. выше примеры с глаголами *потѣчи, вѣтѣчи* и *свѣдѣти*) в др.-русс. языке достаточно редки. В современном русском такое употребление невозможно, поскольку в нем указанные глаголы могут быть только СВ, а СВ несовместим со значением настоящего времени. В.Б. Силина, анализируя примеры, подобные приведенным выше, указывает, что приставочный глагол в них еще не является глаголом СВ, а представляет собой глагол общего вида. В.Б. Силина свидетельствует, что уже в XI—XII вв. "...подобные примеры немногочисленны. Позднее такие случаи совершенно исчезают" [20, с. 229—230].

Обратимся к предельному значению императива, у которого, как уже отмечалось выше, предельная семантика является имплицитным компонентом категориального значения: императив фактически является перформативом, пред-

ставляя собой слово как действие (о перформативе см. [21]), как целостный акт действия³.

В приводившемся выше примере в рамках одной фразы соседствуют императивы *сади* и *посади* ("Сади на послѣднимъ мѣстѣ, да егда придетъ зъваныи, речеть ти: друже, *посади* выше..."). Поскольку многие др.-русск. глаголы перфективировались приставкой лишь в определенном контексте и нерегулярно (о чем свидетельствуют все приводившиеся выше примеры), естественно предположить, что эти приставочные глаголы не составляли еще отдельных лексем и их образование могло проходить по отдельным формам неравномерно. И в этом отношении форма императива особенно показательна, поскольку специфика императива состоит в его достаточно большой автономии как в парадигматическом плане (императив — особое, ирреальное наклонение), так и в синтагматическом плане (императив, фактически являющийся перформативом, может употребляться без языкового контекста, автономно). Такая "оторванность" формы императива от лексемы в целом приводит к тому, что в ряде случаев в форме императива фигурирует лексема, для которой императив является ... ее единственной формой!

Вероятно, именно поэтому в современном русском языке имеются императивы несуществующих глаголов, например: *Постой!* ("стой, подожди") — не путать с глаголом *постоять* ("стоять некоторое время"). Семантически *Постой!* не вполне тождественно *Стой!* [ср. невозможность адекватной замены *Стой!* на *Постой!* в предложении *Стой, стрелять буду!* И это как раз показывает, что оформление глагола приставкой проходило не по лексеме в целом (т.е. не по всем формам одновременно), а неравномерно по разным формам: в противном случае приставочный императив не оторвался бы от своей исходной лексемы в процессе развития языка]. Ср. также следующие оторвавшиеся от парадигмы императивы: *Посуди сам!* ("суди сам") — не путать с глаголом *посудить* ("судить некоторое время"); *Побойся бога!* ("бойся бога") — не путать с глаголом *побояться* ("испугаться" либо "бояться некоторое время"); *Поберегись!* ("берегись") — не путать с глаголом *побережись* ("бережись немного, слегка") и т.д. Ср. также отсутствие инфинитива **поезжать* при императиве *Поезжай!* (ставшем супплетивным императивом глагола *поехать*), отсутствие инфинитива **полезать* при императиве *Полезай!* (ставшем супплетивным императивом глагола *полезть*) и отсутствие инфинитива **погодить* при императиве *Погоди!* Наличие в современном русском языке подобных императивов несуществующих глаголов напоминает о том периоде развития языка, когда приставка не являлась еще частью лексемы, а представляла собой лишь факультативный формант предельности.

В качестве примера др.-русск. формы с преф. *по-*, представленным только в императиве, можно привести форму *Поприся!* ("прими, будь другом"): "Поприся ми!" [19, с. 90]. В словаре И.И. Срезневского зафиксирован глагол "Поприсяти, *поприкаю* — оказать приязнь" [18, II, стлб. 1196], причем приводится именно этот пример из "Повести временных лет" (ПВЛ). Однако данный пример оказывается у И.И. Срезневского единственным (в Картоотеке Словаря русского языка XI—XVII вв. представлен также этот единственный пример,

³ Аналогию актуализации перформативной семантики в форме др.-русск. императива можно усмотреть в современных славянских языках в явлении коинциденции, описанном Э. Кошмидером. Речь идет об употреблении СВ в настоящем времени в предложениях типа *Попрощу ваши билеты!*, где глагол, как и в форме императива, выражает побуждение, требование, приказ. Интересно, что СВ здесь употреблен как бы в актуальном настоящем, хотя такое употребление считается в современных славянских языках невозможным. Корректность подобных предложений обеспечена тем, что перформативное значение зачеркивает семантику актуального настоящего (вследствие чего указанные предложения не могут являться ответом на вопрос: "Что это ты делаешь?"). Э. Кошмидер дает следующее определение коинциденции: "Под коинциденцией я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие" [22, с. 163].

правда, в трехкратном повторении — по Лаврентьевскому, Радзивилловскому и Переяславскому спискам); поэтому, исходя из того, что глагол *попрятати* в единственном отмеченном употреблении фигурирует в форме императива, мы можем предположить, что лексемы *попрятати*, возможно, не существовало в др.-русск. языке (приведенный пример может рассматриваться как факт спонтанно-речевого творчества говорящего).

То же самое, вероятно, можно сказать и о форме императива *порасточи*, употребленной в следующей фразе из ПВЛ: "Ц(а)рю, се идут к тебе варязи, не мози их держати въ граде, оли то створять ти зло, яко и здѣ, *порасточи* я розно, а сѣмо не пушай ни единого" [16, с. 39]⁴. Интересно, что глагол *расточити* употреблен в том же тексте еще несколько раз, причем — в предельных контекстах, однако во всех этих случаях предельность префиксом *по-* не маркирована: "Разгевас(я) [так в рук. — К.А.] б(ог)ъ на о(т)ци наши, и *расточи* ны по странам".... "То тако вы инѣх учите, а сами отверже ни от б(ог)а и расточени. Аще бы б(ог)ъ любилъ вас и закон вашъ, не бы есте *расточени* по чюжим землямъ" [16, с. 41]; "...и посла на ны рымляны, и град их расбиша, а сами *расточиша* по странам..." [16, с. 42].

Таким образом, мы не должны исключать возможности того, что в др.-русск. языке не было еще глагола *порасточити* как отдельной лексемы. Кстати, появление приставочных глаголов, представленных в единственной форме, было возможно не только в форме императива. Для подтверждения сказанного обратимся к следующему примеру из словаря И.И. Срезневского: *Попоити, попоидь* — отойти недалеко, поотойти: — Поперегъ болотца попошедь выкопаны двѣ ямы. Разъѣж. 1554 г." [18, II, стлб. 1195]. Полагаем, что лексемы *попоити* вообще не существовало (в Картотеке Словаря русского языка XI—XVII вв. она не зафиксирована); что касается формы *попошедь*, то префикс *по-* здесь, очевидно, дублирует предельную семантику причастия прошедшего времени *пошедь*. Вероятно, носитель языка прибег в этом случае к гиперкоррекции: поскольку указанное причастие было книжной формой, не свойственной живой речи, носитель языка мог употребить приставку для того, чтобы выразить предельную семантику более привычным и естественным для него способом.

Обратимся вновь к императиву и приведем следующий пример, иллюстрирующий употребление префикса *по-* в императиве для актуализации перформативной семантики: "*Пошли* ты муж(а) своег(о) ко свату своему, а я *сю* своег(о) муж(а) ко о(т)цю и г(осподи)ну, великому кн(я)зю Всеволоду" [16, с. 160]. Поскольку форма *сю* имеет здесь значение будущего времени, а глаголы СВ в значении будущего времени используются в этот период уже достаточно часто, естественно было бы ожидать в этом предложении употребления приставочной формы *пошлю*. Однако носитель др.-русск. языка, вероятно, считает, что важнее употребить префикс *по-* в императиве, чем для выражения значения будущего времени (возможно, таким способом он стремится избежать тавтологии)⁵.

Подводя итог рассмотрению фактов употребления префикса для актуализации предельной семантики в случаях, когда предельность не составляла категориального значения формы (в настоящем времени, в императиве), заметим, что в

⁴ Предполагая, что лексемы *порасточити* не существовало в древнерусском, мы должны исключить возможность существования в др.-русск. период распределительного и смягчительного способов глагольного действия (СГД), представителем которых является современный русский глагол *порасточить*. Данное предположение можно считать правдоподобным, если принять во внимание статью П.С. Сягалова, в которых показано, что окончательное оформление приставочных СГД — явление сравнительно позднее [23—24].

⁵ Кстати, отрыв формы императива, особым образом оформленной, от остальной парадигмы глагола наблюдается не только в др.-русск. языке. В отдельных случаях сходное явление имеет место в современном английском. Так, глагол *shut* ("закрывать") при соединении с постпозитивным наречием *up* образует глагол *shut up* ("замолчать, заткнуться"), который, однако, в указанном значении употребляется только в форме императива и невозможен в реальном наклонении.

современном русском языке такое употребление уже невозможно (даже в др.-русс. подобные случаи были редки и носили частный характер: "пространственная предельность" объяснялась значением префикса, "результативность" — значением основы, а "перформативность" представляла собой своего рода логическое следствие, вытекающее из семантики императива). На протяжении развития русского языка значение предельности все более перекрывалось видом, становясь категориальным (каким оно и было уже в др.-русс. период у аориста, представлявшего собой грамматическую форму — в отличие от приставочных глаголов, многие из которых в этот период все же больше напоминали словообразовательные дериваты, нежели грамматическую форму глагола). Приставочная категория предельности все более теряла свою автономию от категории вида, все более поглощалась ею (способствуя тем самым ее усилению).

Обратимся теперь ко второй из сформулированных в начале статьи проблем — проблеме видового значения предельных (приставочно маркированных) др.-русс. глаголов. Поскольку категория вида в др.-русс. языке не была еще до конца сформирована, можно предположить, что употребление приставочных неимперфективированных глаголов в контексте актуального настоящего не было в др.-русс. языке невозможным. Естественно, что в этом случае указанные глаголы еще нельзя признать глаголами СВ: их можно назвать глаголами общего вида, как это делает В.Б. Силина в отношении приводимых ею глаголов, некоторые из которых представлены как раз в контексте актуального настоящего (например: "о велие чудо страхъ бо мя великъ *одържити* братице о семь еже вы хошю съказати ЧудН XII, 68 в" и др. [20, с. 194]. В Радзивиловском списке ПВЛ как минимум три раза глаголы указанного типа употреблены в контексте актуального настоящего: «И вѣстав заутра, и реч(е) к сущим с нимъ учеником: "Видите ли горы сия? Яко на сих горахъ *въсияеть* бл(а)г(о)д(а)ть б(о)жьа"» [16, с. 12]; "По сем же, въземьше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вѣставиша на сани, емше за ужа, повезоша. И яко быша въ дверехъ, ста рака, не *пойдуще*" [16, с. 76]; "Азь же, грѣшныи твои рабѣ и учникъ, *недоумѣю*, чимъ похвалити добраго и твердердаго (так в рук. — К.А.) житья и въздержания" [16, с. 86].

На первый взгляд, три случая для такого большого текста, как ПВЛ, факт не доказанный. Однако надо принять во внимание, что сами контексты актуального настоящего в ПВЛ достаточно редки. А исходя из этого, вероятно, следует признать, что употребление приставочного неимперфективированного глагола в контексте актуального настоящего является не таким уж редким исключением. Более того, в отдельных случаях мы встречаем приставочные неимперфективированные глаголы в контексте актуального настоящего в гораздо более поздних (старорусских) текстах, например: "Что же *послышю*? Поликарпъ изнеможе, болѣзнь же необычна, но отъ сомнения духа... Евфр. Отразит. пис., 1699 г. 57" [17]. Ср. также следующий пример из произведения устного народного творчества: "Бдетъ мимо Соловьиное помѣстиче: / *Увидять* Соловьиныя дѣтушки, / Смотрять въ окошечко косявчето, / *Сами оны востроговорять* таково слово: / Нашъ-то батюшка чужаго мужика везеть. Рыбников, I. 48" [17].

Наконец, мы можем указать несколько приставочных глаголов без суффикса имперфективации, которые даже в современном русском языке все еще могут употребляться в значении актуального настоящего. Речь идет о глаголах *приемлю* (*приемлешь* и т.д. — нет инфинитива), *внемлю* (*внемлешь* и т.д. — инфинитив *внять*), *объемлю* (*объемлешь* и т.д. — инфинитив *объять*). Например: "Я же говорю с тобой — ты *внемлешь* или *нет*?" (устная речь). Эти глаголы являются двувидовыми, однако "теоретически" они должны были бы быть в современном русском языке глаголами только СВ, как практически все современные русские приставочные глаголы без суффикса имперфективации. Тот факт, что приставочные глаголы без имперфективного суффикса не являются глаголами СВ (причем — в современном русском языке, где категория вида уже полностью сформировалась!), опровергает известный тезис, согласно которому в др.-русс.

языке присоединение приставки к основе без суффикса имперфективации обязательно переводило глагол в СВ [25]. Возможность употребления приставочного неимперфективированного глагола в значении актуального настоящего — даже в современном русском — можно рассматривать как аргумент в подтверждение концепции В.Б. Силиной, согласно которой др.-русск. приставочные глаголы, произведенные от неимперфективированных основ, могли быть общего вида (а не только СВ).

Подведем итоги. В др.-русск. языке категория предельности выступала еще как в значительной степени автономная от категории вида. Одним из средств формального выражения др.-русск. категории предельности служили приставки. В словообразовательном плане яркой особенностью др.-русск. категории предельности являлось отсутствие в ряде случаев прочной спаянности приставки с основой, что выражалось прежде всего в возможности параллельного употребления одного и того же глагола в приставочном и бесприставочном вариантах. В грамматическом плане характерная черта др.-русск. категории предельности состояла в возможности употребления приставочного неимперфективированного глагола в контексте актуального настоящего, из чего вытекает, что не всякий др.-русск. приставочный глагол без суффикса имперфективации следует считать глаголом СВ (хотя в целом такие случаи немногочисленны).

Правдоподобным выглядит предположение, согласно которому формирование приставочных производных глаголов проходило по формам неравномерно. Это необходимо учитывать при составлении словарей др.-русск. языка: не исключено, что некоторых приставочных глаголов, встречающихся в др.-русск. текстах, никогда не существовало как отдельных лексем (либо они какое-то время существовали в единственной форме — например, в форме императива).

Наконец, наблюдения над др.-русск. категорией предельности (приставочно маркированной) подводят и к важному теоретическому выводу: следует допустить, что образование глагольных лексем могло происходить по формам неравномерно: так, в ряде случаев, как нам кажется, имеет место некоторый "отрыв" формы др.-русск. императива, маркированной префиксом *по-*, от остальной парадигмы глагола⁶.

Таковы некоторые черты др.-русск. категории предельности. Конечно, наши выводы в значительной степени являются гипотетическими, поскольку для получения более достоверных данных о др.-русск. категории предельности следовало бы провести тестирование др.-русск. информантов (а эта задача, к сожалению, невыполнима). В связи с этим необходимо дальнейшее исследование категории предельности с привлечением большого числа др.-русск. источников⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцова Г.Н. О лексическом характере глагола в английском языке // ИЯШ. 1948. № 1.
2. Иванова И.П. К вопросу о типах грамматического значения // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1956. Вып. 1. № 2.
3. Холодович А.А. Опыт теории подклассов // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
4. Маслов Ю.С. Отграничение вида от прочих элементов аспектуальности. Вид, аспектуальные классы и подклассы // Маслов Ю.С. Очерки аспектологии. Л., 1984. С. 8—15.

⁶ К явлениям аналогичного порядка можно отнести также следующие: а) тенденцию к дополнительному распределению форм аориста и имперфекта в сфере др.-русск. приставочных глаголов, вовлекавшихся в видовую оппозицию (отмечена В.Б. Силиной [10, с. 157—158]); б) возникновение при исходном глаголе производных семантических дублетов с имперфективным суффиксом — только в форме настоящего времени (также отмечено В.Б. Силиной [20, с. 158—279]); в) хорошо известный факт появления многократных глаголов — только в форме прошедшего времени.

⁷ Автор с благодарностью вспоминает ценные консультации безвременно ушедшего профессора МГУ Г.А. Хабургаева. Автор искренне признателен В.Б. Силиной за ряд важных замечаний, высказанных ею по прочтении рукописи статьи.

5. *Бондарко А.В., Булакин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.
6. *Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллинн, 1983.
7. *Маслов Ю.С.* Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке // Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 224.
8. *Маслов Ю.С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958. С. 38.
9. *Силина В.Б.* Развитие категории глагольного вида в русском языке XI—XVII вв. (формирование видовых корреляций): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1985. С. 8.
10. *Силина В.Б.* Семантическое содержание категории предельности и его отражение в формах древнерусского аориста // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990. С. 164—165.
11. *Этерлей Е.Н.* Древнерусский имперфект: значение и употребление: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
12. *Бородич В.В.* К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1954. Т. IX. С. 78.
13. *Кельн Г.* Происхождение славянского глагольного вида // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 283.
14. *Бахмутова Е.А.* История приставочного образования соотносительных по виду глаголов в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1963. С. 15.
15. *Воробьева И.А.* К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке (история приставки *в-*): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1958. С. 8—10.
16. Радзивилловская летопись // Полн. собр. русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
17. Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1984.
18. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895; Т. III. СПб., 1903.
19. Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку) // Памятники литературы Древней Руси. М., 1978.
20. *Силина В.Б.* История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Ч. I: Морфология. Глагол. М., 1982. С. 229—230.
21. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
22. *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 163.
23. *Сигалов П.С.* История русских ограничительных глаголов // Тр. Тартуск. ун-та, 1975. Сер. лингв. Вып. 347.
24. *Сигалов П.С.* Русские сативные глаголы // Тр. Тартуск. ун-та, 1977. Сер. лингв. Вып. 398.
25. *Кукушкина О.В., Ремнева М.Л.* Категории вида и времени русского глагола. М., 1984. С. 29, 41.